

Утром восемнадцатого января, перед крещенским сочельником, в город-курорт Кисловодск пришла самая настоящая весна. Пришла и сразу начала распоряжаться, словно она здесь единственная хозяйка на все времена, — громкогласо и немного невпопад. Растопила снег на Курортном бульваре, заставила местных старушек снять тёплые шапки и надеть лёгкие яркие шёлковые платки; выгнала солнечными лучами на работу дядю Армена, водителя детского паровозика; заглянула в витрину магазина с шубами и сообщила недовольным продавцам, что покупателей у них не будет как минимум две недели, пока не прекратится оттепель.

Забрела весна и в Нарзанную галерею, выпила сульфатного тёплого нарзану, промокнула губы платочком с изображением крошечной балерины, побеседовала с женщиной, которая продаёт стаканы, улыбнулась охраннику, словно старому знакомцу, и пошла по направлению к Аллее роз выяснять, как обстоят дела у её непосредственных подопечных — аккуратно подрезанных и укутанных на зиму кустов дивных роз из всех уголков Земли. На весне были длинная плиссированная юбка оттенка «персиковый пух» и укороченный твидовый жакет с золотистыми пуговицами.

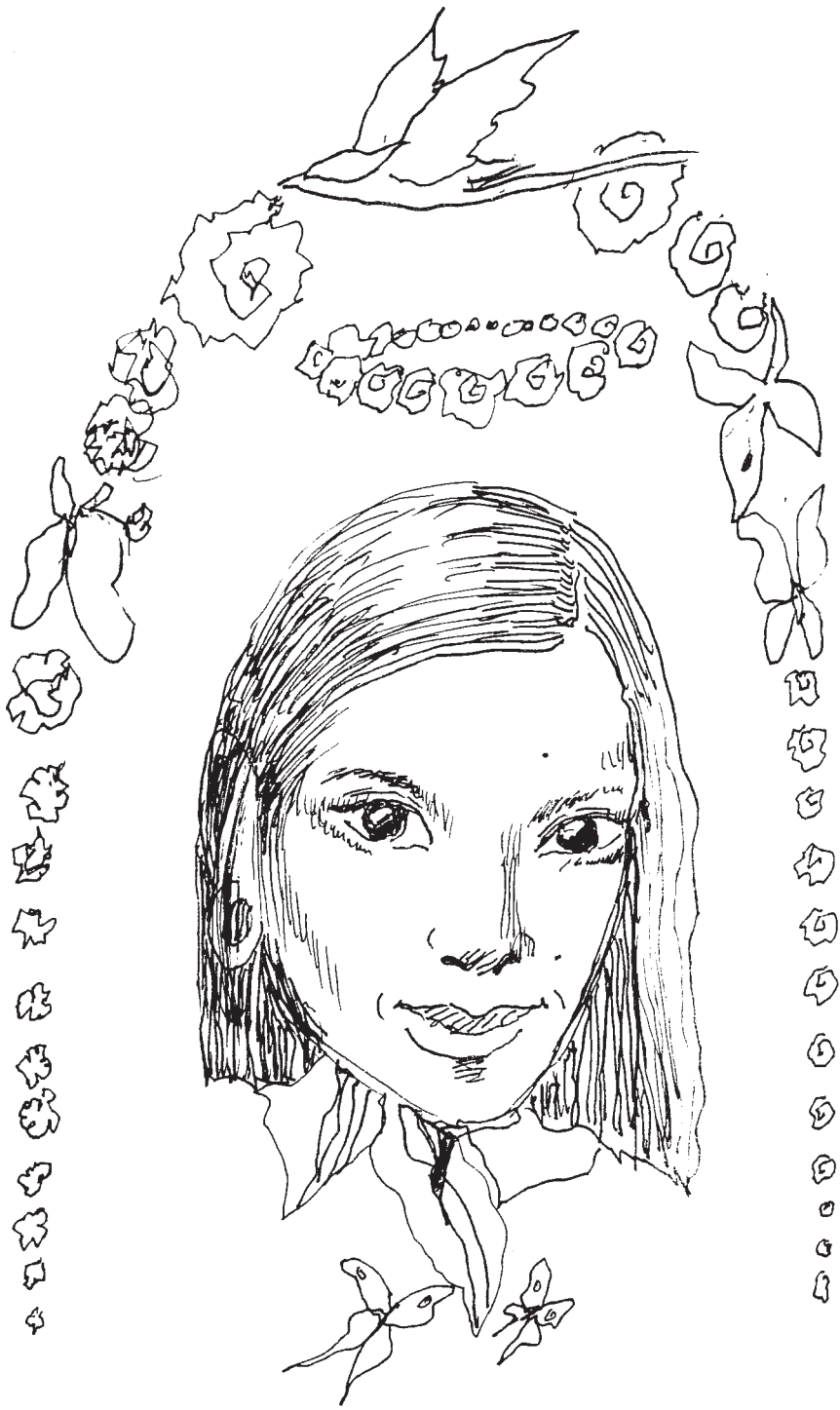
Весна шла по парку, не разбирая дороги, и причитала, что дел невпроворот, а всё равно всё без толку, так как несвоевременность её пришествия ничего хорошего в конечном итоге сулить не может. Сколько ни трудись, ни грей, ни озеленяй город кислых вод в январские дни, а придёт февраль, в народе — лютый, и вернёт всё как было — насыплет снега за шиворот, скуёт льдом лужи, заморозит уши местных старушек.

На большой-пребольшой кровати с высокой вычурной и довольно безвкусной спинкой (дорогой читатель, изображения таких кроватей ты наверняка мог видеть в какой-нибудь рекламе по телевизору) в ворохе одеял и подушек лежала маленькая девочка. Шторы на окне были плотно задёрнуты: яркий свет вызывал слёзы у малышки в пижамной розовой кофточке с пандой и полосатых штанишках. Девочка кашляла.

Это был страшный и хриплый кашель. Так кашляют больные старушки, но никак не маленькие девочки в розовых пижамах. Девочка лежала на большой-пребольшой кровати и смотрела то на потолок, то на длинные-предлинные шторы, то на аляповатые обои в огромных цветах, то на дверь в коридор. На потолке висела крупная люстра на восемь лампочек, шторы в пол были мрачного винного оттенка, и только белая дверь в коридор сулила что-то хорошее. Несколько минут назад за этой дверью скрылась мама девочки, Аня. Мама Аня пошла в магазин за вишнёвым компотом и в аптеку за градусником да каким-то сиропом от кашля. Точнее было бы сказать, что мама не пошла, а полетела на крыльях материнской любви и тревоги.

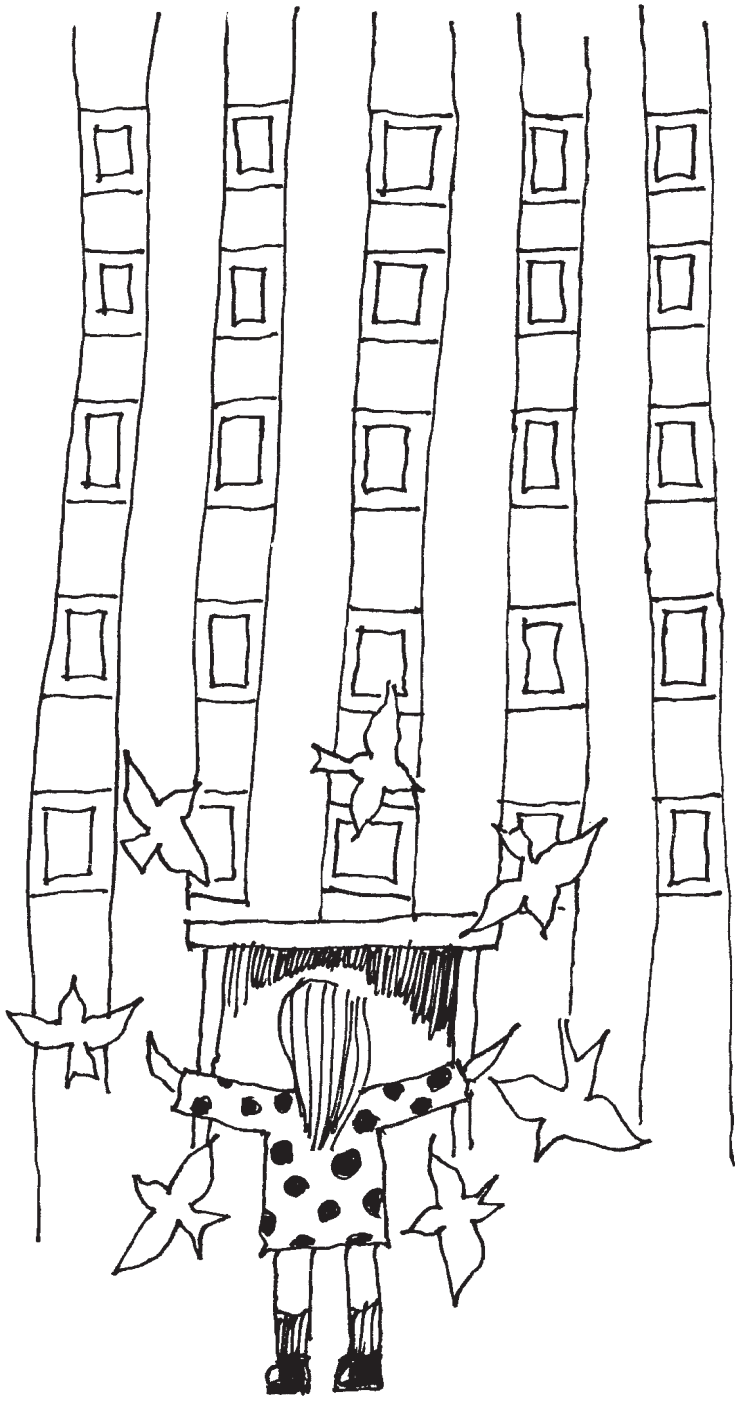
По дороге в магазин и в аптеку мама встретила весну, но не узнала её, слишком тревожно было женщине за здоровье дочери. Мама Аня бежала по тротуару, ни на кого не обращая внимания. Весна шла навстречу с гордо поднятой головой, её взгляд скользнул по меховой шляпке женщины, несущейся на самом полном ходу, но не задержался даже на секунду. Весну не интересовали тревожные мамы маленьких девочек и их бытованье. Маме девочки тоже было не до весны.

Мама и дочка приехали в Кисловодск всего на несколько дней, поселились в старинной гостинице недалеко от Нарзанной галереи, и почти сразу девочка заболела. Всё в старинной гостинице было большим, словно раньше в ней останавливались не люди, а какие-то самые настоящие великаны. И кровать, и ванная комната, и окна в пол, выходящие на Курортный бульвар. Большая лестница вела на третий этаж (мама с дочкой жили именно на третьем этаже), большими были гостиничные коридоры, и даже ёлка, оставшаяся в холле после новогодних праздников, была большой.

Допускаю, что эта гостиница лишь казалась великанской, просто девочка была ещё совсем маленькой, очень больной и беспомощной. Её мучил кашель. Мучил до такой степени, что малышка не могла от начала и до конца сказать ни одно даже самое короткое предложение. Говорила одно слово — кашляла, потом ещё одно слово — снова кашляла, потом ещё слово — и опять кашляла. И так продолжалось целую длинную-предлинную ночь и целый длинный-предлинный, полный маминых страхов день.

Девочке минуло всего-то три года и девять месяцев, она уже умела считать до десяти, говорила на двух языках, знала несколько букв, научилась искусно лепить бабочку и рисовать маму с папой, ходила на художественную гимнастику, немножко пела по выходным и танцевала по вечерам. Девочку звали Василиса, или просто Васенька, и у неё было очень доброе сердце. Она со всеми здоровалась, всем улыбалась, спрашивала о самочувствии и настроении, кормила всех окрестных котиков, собак и белочек, обнимала всех встреченных на детской площадке детей. Она была добра ко всем людям, всех угощала, делилась игрушками, звала в гости, разрешала покататься на своём новом самокате.

«Доброе сердце в наши времена — это скорее недостаток, чем достоинство», — с тревогой говорили о Васеньке её соседи по подъезду, милые московские старики и старушки. Уж они-то точно знали, о чём говорят, пережив столько потрясений, что если всё перечислять, то получится учебник по современной истории, а не сказка.

Васенька была единственной маленькой девочкой в подъезде, поэтому все соседи, едва малышка родилась, автоматически начали считать её своей внучкой. А один взрослый серьёзный дядя средних лет каждый раз, когда видел Васеньку, говорил, с трудом сдерживая слёзы: «Наша красавица! Раньше в этом подъезде жило много детей, а потом мы выросли...»

— Доброе сердце — это никакой не недостаток. Добрый ребёнок вырастает в справедливого взрослого. Нашему миру категорически не хватает именно справедливости, — сказала однажды мудрая соседка с двенадцатого этажа, и жители всего подъезда выдохнули и перестали тревожиться о Васеньке с её добрым сердцем, и даже за будущее целого мира им стало спокойнее.

